

Геннадий Пискарёв
ОЧИЩЕНИЕ БОЛЮЮ

МОСКВА 2009

Геннадий Пискарев
Очищение болью (сборник)

«Пробел-2000»

2009

УДК 821.161.1-321.2Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

Пискарев Г. А.

Очищение болью (сборник) / Г. А. Пискарев — «Пробел-2000»,
2009

ISBN 978-5-98604-188-9

Душа народа, национальный характер, генетический код – понятия, с которыми связаны непосредственным образом формирование нации и государств, судьба их. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю нашей общей Родины – России, наложили трагический отпечаток на самосознание народа, проживающего на ее территории. Автор и редактор книги, для которых боль родной земли и родного народа стали их главной личной болью, однако не впадают в отчаяние и не теряют веры в возрождение великой страны. Что питает надежду их? – читайте в предлагаемой книге.

УДК 821.161.1-321.2Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-188-9

© Пискарев Г. А., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

На том и стоим	6
Часть I. Во глубине души	8
Вдали от шума городского, или Три дня в деревне	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Геннадий Пискарёв
Очищение болью
Сборник

© Пискарёв Г. А., 2009

* * *

На том и стоим

«Для меня русский тот, кто любит Россию»

И. Глазунов

Вышедшая недавно в свет книга с одиозным заголовком «Я с миром общаюсь по-русски», вызвала довольно неприязненную реакцию в определенных демократических кругах. «Чуткие» к проявлениям любого народного самосознания тамошние критики просто покоробились от того, что авторы книги общаются с миром, видите ли, по-русски, а не по-чеченски, допустим, не по-еврейски или, на худой конец, не по-россиянски. В самом слове «русский», четко и звучно произнесенном, померещился избранным господам экстремизм.

В принципе все это очень понятно. Давно уже внушают русским в России, что признанными они могут быть только лишь тогда, когда будут подпевать сионистам или их приспешникам – врагам России. И среди нашего брата, что греха таить, появляются этакие конформисты, тешащие и оправдывающие себя предательской мыслью, что став известными они смогут потом и свое Отечество защитить. Наивно. Власовщина и солженицинщина это.

Бесконечная демагогия, льющаяся, с телеэкранов о соотношении национального и интернационального в искусстве народов, выпренные суждения об общечеловеческих ценностях, доходящие до полного отрицания национальных начал, замысловатые толки о мировой вне-национальной, а, по сути дела, космополитической культуре – лакомое блюдо, излюбленная тема пропагандистской говорильни современных либералов, якобы защитников рода человеческого, а на самом деле – ярких приспешников и идеологов человеконенавистнической концепции «золотого миллиарда».

А, ведь, вроде бы очевидно, об этом свидетельствует и история мировой культуры: ни один великий художник ни в какие времена не производил должного впечатления, а творчество его не могло претендовать на мировое признание, если он не был в своем искусстве народен и национален. Мир знает Пушкина потому, что он русский, Бальзака – за то, что он француз, О'Генри – поскольку он американец.

Последнего писателя мы взяли для примера не случайно. Наверное, язвы предпринимательства, капитализма кто-то из тех же американских мыслителей отразил не хуже, чем О'Генри. Но мог ли кто из них сравниться с ним по яркости, выпуклости, точности и силе деталей, которыми он воссоздает характер грубовато-прямолинейного и где-то настырно-простодушного жителя американских штатов – характер, можно сказать национальный. Ибо то, что подмечает художник, свойственно и американскому банкиру, и ковбою, и уличному бродяге.

Не спорим, не спорим. Те же самые характерные черты могут проявиться в человеке любой другой национальности. Более того, скажем, что, когда мы смотрели, например, наш отечественный фильм «Операция Ы...», то, слушая там дуботольский сленг русского охламона типа: «На тебя оденут деревянный бушлат, в твоём доме будет играть музыка, а ты ее не услышишь», непроизвольно припомнили очень похожие речения из рассказа О'Генри «Пиментские блинчики». Но в чем здесь суть-то? А в том: то, что в национальном характере того же американца превалирует, – в русском характере или в каком другом является всего лишь толикой.

Безусловно, и наша всемирная отзывчивость, которую отметил, подчеркнем, анализируя творчество Александра Пушкина – как первого русского человека еще Федор Михайлович Достоевский, свойственна, возможно, представителям всех национальностей. С той лишь разницей, что у них она не есть черта всепоглощающая, доминирующая. И не стала, как у нас, основой менталитета.

В каждой национальности много чего намешано. И благодаря национальным гениям, обладающим божественным даром отражать главное в душе своего народа, становимся мы узнаваемыми, признаваемыми, индивидуально значимыми и привлекательными. А общечеловеческие ценности это, наверное, все же то, что сотворено Всевышним – Человек, Солнце, Воздух, Земля, Воды, на что посягать – величайший, непрощаемый грех. И на что, однако, как свидетельствует наша виртуальная действительность, давно точит зубы «золотой миллиард».

Ему ровным счетом наплевать на интересы и самобытность любого народа. А если тот не хочет быть послушным придатком его дьявольски-компьютерной системы подчинения, то такой народ надо просто уничтожить.

Кстати, такую «веселую» перспективу более ста сорока лет назад предрекал русскому народу, не поддающемуся перестройке – переделке по западному образцу, один весьма образованный либерал – гуманист – современник Федора Михайловича. Его людоедские слова «уничтожить народ» и привел великий религиозный мыслитель в своем «Дневнике писателя». Но там же Достоевский, подсказал нам и единственный способ, уберечь себя от столь злой участи – сохранить свою русскость, а, следовательно, и всемирность.

Слышите, вы, «народные витии» и «правозащитники», русскость-то, оказывается, не экстремизм вовсе, а всемирность. Ну, а если уж вам выводы, сделанные нашим пророком, которого вы давно окрестили и «мракобесом» и «больной совестью», – не указ, то, может, прислушаетесь к словам другого великого гуманиста, всемирно известного ученого, путешественника (надеемся, вы знаете его).

«Когда заходит разговор о русской науке, культуре, людей, мало знающих Россию и привыкших смотреть на нее, как на одно из самых деспотических государств, бесправный народ которого, казалось бы, не может дать ничего хорошего, поражает в русской мысли ее неизменный гуманизм... Страдание озлобляет натуры холодные, с корыстной душой и умом либо слабым, либо чересчур однобоким; русский же человек по своему характеру горяч и отзывчив, а если бывает злобен и совершает поступки буйно жестокие, то лишь в ... безысходном отчаянии ... в страданиях своих он никогда не озлоблялся и мысли его направлены не к мести, воспеваемой и возвышенной до святости в европейской литературе, а только к искоренению зла всеми путями и средствами... При этом он легко готов принести себя в жертву ради блага других, часто для него безымянных и совершенно чуждых».

Вот так! На том и стоим мы. И других поддерживаем.

Часть I. Во глубине души

«Не люби ты меня, полюби мое»

Ф. Достоевский

«Когда требуется защита Отечества, в ополчение идут, не считаясь, кто монархист, кто анархист, а кто коммунист»

В. Распутин

«...погибнуть в военном столкновении с внешними врагами, в сражении со стихией или даже в результате каких-то экономических потрясений, куда почетнее, по крайней мере, не так обидно, как от собственной корысти, от злобы и ненависти друг к другу...»

(«Во глубине души»)

Вдали от шума городского, или Три дня в деревне

«Кто сеет хлеб, тот сеет святость».
Заповедь Творца Вселенной (Вендиат III, 31)

Этот материал, означенный претенциозным подзаголовком (с таким названием есть статья у Льва Николаевича Толстого) рожден, действительно под впечатлением от трехдневного пребывания в «имении», отстраиваемом в рязанском селе Семион старателем нынешнего времени, моим визави – Александром Васильевичем Терениным, московским профессором и удачливым предпринимателем. После совместных прогулок по живописным окрестностям старинного селения (археологи находят здесь следы обитания человека многотысячной давности), после встреч, разговоров с народом (из семионовской среды вышло одиннадцать Героев Советского Союза, тут корни легендарного космонавта Геннадия Стрекалова), моторно-эмоциональный Теренин прямо-таки бурлил потоком искрометных мыслей, неожиданных и оригинальных, высекающих во мне, заскорузлом собеседнике, живой отклик. Потому все то, о чем мы с ним говорили, в результате чего и родилось это любопытное эссе, я считаю необходимым подписать и именем Александра Васильевича. – Г.П.

Своя продукция

Давно соблазнял он меня поездкой в свое родовое гнездо, возрождаемое им из руин. (В двадцатых годах прошлого века, когда скончался дед Александра – Василий Митрофанович, матрос с легендарного крейсера «Варяг», семья Терениных оставила родное пепелище, переехала в Белокаменную.) И я не устоял, не устоял, услышав из уст профессора сногшибательный довод: «Молоком козьем со своей фермы угощу, да и вообще вся продукция там у меня своя». Сердце мое екнуло. Всплыло вдруг в памяти собственное послевоенное деревенское детство.

Мои самые сильные впечатления от него делятся как бы на две половинки. Первая – это нелёгкая, от зари до зари работа на колхозном поле и крестьянском подворье. Вторая – престольные праздники: ржаные пироги с ягодами, капустой, яйцами и свеклой, ячменное домашнее сусло и пиво, упругие, как ремень, холодцы и рубцы, крахмально-ягодные и овсяные кисели. И бесподобнейшее добродушие хозяев, их хлебосольство, сопровождаемое убедительным «потчеванием»! «Кушайте на здоровье, дорогие гости, не стесняйтесь: здесь всё своё».

«Своё». Запомним это такое простое, но значительное слово. Ведь его с особым ударением произнес, приглашая в гости, омосковившийся некогда, а теперь вот «одеревеневший» горожанин Теренин.

– Это ты правильно подметил, – резюмирует Александр Васильевич. – Свое слово простое, но великое. Как и словосочетание «своя, не купленная продукция». – И заговорила академическая душа: – Своя продукция, друг мой, это же прямой результат человеческого труда и природы. Именно это обстоятельство благороднейшим образом воздействовало, полагаю, испокон века на душевный, нравственный мир селянина, крепило его самосознание, делало личностью самодостаточной и независимой, доброй и отзывчивой.

Внимая суждениям ученого собеседника, припомнил я свою журналистскую бытность, когда в силу корреспондентских обязанностей пришлось мне немало поколесить по матушке-России, да и не только по ней. Бывая в гостях у сельских жителей, я невольно отмечал то, что запомнилось с раннего детства, особую щедрость людей крестьянского звания. Она свойственна им независимо от их мест обитания. «Кавказское гостеприимство» характерно не

только велиречавым горцам, но и в равной степени декханину – таджику, арату – монголу, оленеводу-манси, и рыбаку камчатского полуострова.

Как-то в посёлке «Канчаланский», что на Чукотке, хозяйка дома, куда мы были приглашены на обед, весьма удивилась, заметя, как робко намазываем мы на маленькие кусочки хлеба из трёхлитровой банки красную икру. Ей почему-то показалось, что икра нам не по вкусу, поскольку была приготовлена в начале прошлой путины. Извиняясь, как извиняется за прошлогодние соленые огурцы, оказавшиеся на праздничном столе, жительница, скажем, средне-русской полосы, канчаланка смущённо поясняя нам, что до новой путины целый месяц, а эта икра тоже хорошая и что есть её надо ложками, не жалея, потому как не купленная, а своя.

Своя продукция стоила дешево. Крестьянин, непосредственно контактирующий с землей-кормилицей, меньше всего был стяжателем, алчной эгоистичной особой. Он как бы и не ценил очень-то труд своих мозолистых рук, но понимал значение земли, завещанной ему от Бога благодати, которой он должен делиться с другими.

Подобное понимание добродетели огромным слоем российского общества – крестьянством, его глубокое религиозное сознание играло в труднейшие периоды жизни страны колоссальную спасительную роль. Слова Льва Николаевича Толстого, сказанные как раз в статье «Три дня в деревне», убедительнейшим образом это доказывают.

«В наше время, – пишет Лев Николаевич, – по деревням завелось нечто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день в нашу деревню, состоящую из восьмидесяти дворов, приходят на ночлег от шести до двенадцати холодных, голодных и оборванных людей... Десятский не ведёт их к помещику, у которого, кроме своих десяти комнат в доме, есть ещё десятки помещений и в конторе, и в кучерской, и в прачечной, и в белой и чёрной людской, и в других помещениях; ни к священнику или дьякону, торговцу, у которых хоть и небольшие дома, но всё-таки есть некоторый простор, а к тому крестьянину, у которого вся семья: жена, снохи, девки, большие и малые ребята, все в одной восьми-десятиаршинной горнице. И хозяин принимает этого голодного, холодного, вонючего, оборванного, грязного человека и даёт ему не только ночлег, но и кормит его.

– Сам за стол не сядешь, – говорил мне старик хозяин, – нельзя и его не позвать. А то и в душу не пойдёт, и покормишь и чайком попоишь.

Только подумать о том, что заговорили бы живущие некрестьянской жизнью люди, если бы в каждую спальню к ним ставили на ночь, хоть раз в неделю одного такого измёрзшегося, изголодавшегося, грязного, вшивого прохожего».

Вывод Льва Николаевича из всего этого удивительный: «Если бы не было крестьянского народа и не было в нём того христианского чувства, которое так сильно живёт в нём, уже давно бы бездомные люди, дошедшие до последней степени отчаянья, несмотря ни на какую полицию, не только разнесли бы все дома богатых, но и поубивали бы всех тех, кто стоял бы на их дороге. Так что не благотворительные общества и правительство ограждают нас от напора бездомного люда, а всё та же основная сила жизни русского народа – крестьянство».

Трудно добавить что-либо к словам человека, названного В. И. Лениным «зеркалом русской революции», их можно разве что подтвердить собственными наблюдениями. Когда грянула над страной черным громом Великая Отечественная война, куда ринулся лавинообразный поток беженцев с оккупированных территорий? Куда вывозили детей и жителей блокадного Ленинграда? В восточные деревни. Помню еврейскую семью из Питера, квартировавшую вместе с главой её бабкой Ришей в нашем доме, в костромской глубинке. Не забыть, как мы с сестрой спали на веретище (плетёная соломенная подстилка), а эвакуированные – на отданной им в пользование нашей матерью, вдовой-солдаткой, железной, с пружинами кровати. Помыслить об ущемлении обездоленных людей ни нам, ни уж матери, конечно, – в голову не приходило.

Можно, наверное, с натяжкой объяснить подобное тем, что нас связывало с постояльцами единое горе – война, но как прикажете истолковать откровения, которые доводилось слышать

от выселенных с ярлыком «враги народа» в казахские степи чеченцев, ингушей, калмыков? А говорили они примерно тоже, что написано в книге Ахмета Хатаева «Эшелон бесправия»: «Не окажись рядом с нами в заснеженных пустынях такие люди, как русская женщина Ефросинья, хранительница и оберег непреходящих крестьянских качеств сострадания и великодушия, казах Тлеубан Абильдин, сосредоточие исконной народной мудрости и других людей не чиновного жестокосердия, судьба всех, оказавшихся в изгнании, была бы куда трагичнее».

Я уже не говорю о том, что вся ближняя и дальняя наша собственная родня, в суровые военные и послевоенные годы работавшая в городах, на заводах, фабриках, железнодорожном транспорте, отсылала на «прокорм» своих малых чад в родовое гнездо – деревню, которая, кстати, «горбатила» на общественное благо на колхозных полях за «палочки» – пустопорожные трудодни. Спасали «своё» подворье (сад, огород, корова, куры) и природа (грибной и ягодный лес, рыбная река). Между прочим, подворье облагалось натуральным и денежным налогом, что выглядело вообще-то довольно странно (но об этом мы поговорим попозже): денег за работу в колхозе не платили, а часть налога и страховка взыскивались с крестьянина в денежном выражении.

Александр Васильевич согласно кивает головой. Родившийся после войны в стольном граде, он тем не менее не малую часть своего пионерского детства тоже провел в деревне у родственников.

Кому-то может показаться, что сообщая о тяжестях колхозного бытия мало что смыслящему в производительном труде молодому современнику-виртуальщику, мы хотим подвести его к мысли, мол, сколь благоприятным был бы труд крестьянина, освобождённый от «государственных пут», скажем, как сейчас, труд фермерский, единоличный, ориентированный сугубо на собственный интерес. Нет и нет!

Не это хочется нам сказать – мы лишь подчеркиваем, сколь же гибок, велик и устойчив крестьянский организм, если и в немыслимых условиях он не теряет своего высокого предназначения, а «основная жизненная сила» – крестьянство (определение Л. Н. Толстого, приведенное выше) сохраняет человеческое лицо, образ Божий. Более того, мы убеждены, что это состояние, эта «жизненная сила» сохраняется и подпитывается лучшим образом коллективным, общинным характером крестьянского труда. «На миру и смерть красна» – эта поговорка родилась не иначе как в сельской среде.

Свои люди

У ворот теренинского имения нас встретила шумная ватага его обитателей, оказавшимися при знакомстве родственниками хозяина. Что ж, крестьянину в одиночку нигде не выжить. Поэтому и были многочисленны семьи, бездетность являлась величайшим несчастьем. Каждый крестьянский клан был, что колхоз в миниатюре. Ну, и действовавшая тогда мирская община играла заметную, добрую роль. Её отголоски довелось наблюдать даже в советские времена – «толоки» на строительстве жилых домов, выбор пастухов для личного скота, совместная копка приусадебных участков и т. д. и т. п.

Нынешние разговоры о том, что община становилась тормозом в развитии сельскохозяйственного производства и что, мол, не случайно царский премьер – министр Столыпин ставил своей задачей раздробить её путём насаждения фермерства, представляются все же в какой-то степени праздными. Государственник, человек с обострённым национальным чутьём, коим являлся Пётр Аркадьевич, свершая свои реформы, исходил из необходимости сохранения заболевшего Отечества, всемерного оказания поддержки тому же фермерству. Он открыто и гордо заявлял о своей нравственной позиции: «...Мы, как умеем, как понимаем, бережём будущее нашей Родины и смело вбиваем гвозди в ... сооружённую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской». Вот бы такие слова услышать от кого-либо из нынешних депу-

татов-демократов. Нет, не скажут, побоятся, что их же собратья обвинят в великодержавном шовинизме.

И, к слову, Столыпин и продолжатель его дела Кривошеин наделяли крестьян «отрубками» все-таки из резервных фондов. В Сибири, да, земли давали столько, сколько крестьяне могли её обработать, а субсидировали их не деревянными – золотыми рублями. Инвентарём обеспечивали не разбитым и по льготной цене. Стройматериалы шли на село, разумеется, не гнилые. Но и в этом случае коллективистский дух земледельцы не утрачивали, что и использовали потом очень ловко большевики. Создавая колхозы, они знали, что делали. Сталин тщательнейшим образом изучил статистику, представленную учёными, и увидел: там, где сельские работы ведутся «сообща» – результат выше. И уж, наверное, читал он труды А. И. Энгельгардта, человека здравого ума, землевладельца и учёного, поднявшего своё имение на необыкновенную высоту, который писал: «Лучшим примером того, какое значение в хозяйстве имеет ведение дела сообща, соединённого с общежитием, служит зажиточность больших крестьянских дворов и их объединение при разделах... Большие семьи даже при слабом старике, плохом хозяине, не умеющем держать двор в порядке, всё-таки живут хорошо. Только при хозяйстве сообща возможно заведение самых важных для хозяйства машин... Разделение земли на небольшие участки для частного пользования, размещение на этих участках отдельных землевладельцев, живущих своими домками и обрабатывающих каждый отдельно свой участок, есть бессмыслица».

Злопыхатели приписывают Сталину «паханские замашки», что, мол, создавая колхозы, он думал об ограблении крестьян. Легче же взять из общего колхозного амбара то же зерно, чем из сотни, тысячи, скажем, частных сусеков. Верно, легче. Но скажите: в войну, не будь колхозов, прокормили бы частники воюющую многомиллионную армию и не прятали бы они в навозных ямах выращенный урожай, как это делалось в гражданскую, даже если дети-красноармейцы сражались за их интересы?

Откинем идеологические и политические «прибамбасы», которыми руководствовались Советы, поощряя колхозное движение, и поймём: они были правы в своих действиях. Еще живы люди, помнящие и колхозный строй, и его становление. От многих из них доводилось слышать: «В довоенном колхозе мы впервые вздохнули свободно. А за работу получили такое количество хлеба, мёда, овощей, что волей – неволей пришлось избыток вести на базар – «колхозный рынок», так он тогда назывался».

Но эти самые люди, истинные сельские труженики, вовсе не принимали, оказывается, послевоенной политики, направленной на чрезмерное «слияние» колхозов. В просторечии слово «слияние» трансформировалось в «сливание», что довольно метко охарактеризовало явление. На густонаселённый административный район в среднерусской полосе создавали огульно в ту пору чуть ли не одно коллективное сельское хозяйство. Тогда как до войны в некоторых деревнях их, бывало, действовало несколько – не в Забайкалье же диком или в безлюдной казахской степи жил наш народ. В компактном хозяйстве, всё равно, что в космическом корабле, необходимы и слаженность, и психологическая совместимость. А в необъятном пространстве? Не зря говорят: что ни город, то норы. То же можно сказать и о российских деревнях. Не раз отмечать приходилось: деревня такая-то от другой в километре стоит, но какая разница в характерах людей. Здесь жители спокойные, рассудительные, тут, как на подбор, забияки, крикуны, большие охотники до разудалых гульбищ. И, что может показаться сейчас очень странным, многие сельчане не приемлили фикс-идею «оттепельного» богоборца-«кукурузника» о стирании граней между городом и деревней, положившую начало строительству идиотских многоэтажек на селе и дальнейшему отрыву мужика-Антея от земли-кормилицы, подтолкнувшую процесс сселения крестьян на центральные усадьбы, а точнее процесс уничтожения поселений, возникших, выросших красиво и естественно, как грибы, в незапамятные времена.

Не стирание граней требовалось – этакое превращение деревни в пародийный город, а крестьянина в недоделанного рабочего (боже, сколько тогда колхозов переиначили в совхозы, где люди по городскому распорядку, курам на смех, работать стали) – требовалось обычное продолжение укрепления союза рабочего класса и крестьянства, улучшение быта, дорог, оснащение современной маневренной техникой и установление паритета цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленную, о чем устами своих земляков говорил когда-то даже Сергей Есенин.

Советская власть нам по «нутрю»,
Теперь бы ситцу да гвоздей немного.

Не вызвало восторга у тружеников и внедрение денежной оплаты в колхозах, а уж тем более проведение «второй коллективизации» – обобществление личных коров. Рассуждения на этот счет пестрили поговорками: «Денежки не рожь и зимой родятся», «Умирать собрался, а рожь сей»...

– Слушай, а ведь в этом есть сермяжная правда, – живо отреагировал Теренин, когда поделился с ним суждениями закоренелых хлеборобов. – Деньги за работу раньше платили только батраку. Хозяин поэтому и был хозяин, что продуктом распоряжался сам, продавал, если надо, – вот и денежка. А тут? Собрал, не собрал урожай, а деньги дай! Ты посмотри, чем это обернулось – деревенские бабы для себя хлеб печь перестали, в город за ним ездят.

– Стало быть, прав был двоюродный брат моей матери Иван Васильевич Чистяков, колхозный бригадир, – не удержался я от примера, – когда «брякнул» в сердцах (за что из партии изгнанным оказался): – за такую политику Никиту Хрущева на базарную площадь надо пригнать, снять штаны, да ремнём по голой заднице отстегать.

– Силен мужик, – рассмеялся академик.

Да силен. А вот колхозный базар после хрущёвских нововведений стал скукоживаться и хлеб мы стали покупать за границей, несмотря на поднятую целину, за золото. На что патриарх колхозного движения Макар Посмитный воскликнул: «Лучше бы его перелили на звезды Героев для селян!»

Целину освоили, а Нечерноземье – хребет России запустили. Чем очень порадовали своих недругов. На весь мир прозвучали полные ядовитого сарказма слова Черчилля: «Я думал, что умру от старости, но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха». И никто из наших госмужей не одернул злорадствующего русофоба (нечем, видимо, было крыть), как сделал это в 45-м Георгий Жуков, заставивший прикусить язык американского генерала – союзника, «посочувствовавшего» нам, понесшим такие огромные людские потери, после которых на ноги, дескать, встать уж вряд ли удастся.

– Русские бабы нарожают ещё, – отчеканил легендарный маршал.

Кое-кто ныне склонен считать данное заявление верхом цинизма прославленного военачальника по отношению к народному горю, к памяти миллионов погибших солдат. Нет, это было хоть и спонтанное, но естественное проявление чувств гордого человека – человека-патриота, не желавшего видеть торжества американца, а народ свой и страну в унижительном состоянии.

И деревенские бабы рожали «Людской завод» – деревня набирала обороты в этом плане, переваривая, по словам философа Николая Бердяева, большевизм и обеспечивая рабочей силой города и прожорливые стройки коммунизма. Не вымирал тогда народ наш, не вымирал, несмотря на кровопролитную Отечественную войну, где основную ратную силу составляли переодетые в серые шинели пахари и хлеборобы. Вспомним, сколько нас было в период расцвета СССР – в 80-е годы прошлого века? Почти 275 миллионов. А в 1941-м? 150 миллионов.

Именно эту цифру выкрикнула перед смертью партизанка Зоя, бросив в лицо, мучившему ее гитлеровскому офицеру вызывающие слова: всех не перевешаете!

Тогда не перевешали. Перевешали потом, когда стали обретать, хоть и наполовину, реальные контуры прогнозы Д. И. Менделеева о росте населения России. Тут-то нам, доверчивым, податливо-восприимчивым, и подсунули перестройку, как когда-то Великую Октябрьскую революцию, следствием которой стала истребительная, братоубийственная, гражданская война и обнищание народа, страны. Развязали такую войну и демократические реформы, убивавшие в год до последнего времени более изощрённым образом, чем ранее, до миллиона граждан родного Отечества.

Демократы пустомелют о естественности процесса и, оправдывая свои деяния, ссылаются на упомянутого выше Уинстона Черчилля, сказавшего, что демократия это плохо, но лучше ничего нет. При этом адепты британского премьера, выдающие себя за друзей народа, как-то забывают привести ещё одно высказывание хитрого, как лис, политика и аристократа: «Лучший аргумент против демократии – пятиминутная беседа с избирателем».

Своя земля

Однако оставим на время в покое «Троянского коня» – демократию, – вернёмся к нашим «баранам», пока не уничтожили их окончательно прекраснородные волки-либералы и недоросли-правители, что с исступлением умалишённых рубят и рубят сук, на котором сидят, корёжат и корёжат могучий корень государства – крестьянский организм – живой народный громоотвод от бед внутренних и внешних. Посмотрите, ведь мы уже продовольственную независимость потеряли.

Горе, горе тому, кто не сеет хлеб! А как мы сможем сказать, что сеем его, если за годы демократического разбоя заросли у нас сорняками и мелкоколесьем десятки миллионов некогда хлебородных пахотных земель. И ждут нас, да чего там ждут, пришли уже, позор и унижение.

«Вечно будешь ты, о человек, стоять у дверей, между теми, которые просят хлеба, вечно будешь ты ждать, чтобы тебе вынесли отбросы те, у кого обилие богатства». Давно это сказано, да современно звучит.

Столкнувшись сегодня с диким ростом цен на продовольственную продукцию, возмущённые граждане нашей страны довольствуются на этот счёт расхожими объяснениями, что таковы законы рынка. Ну, а производитель, дескать, наш мужичок русский – «такой-рассякой». А почему он «такой-рассякой», людям не больно-то объясняют, да они и сами не очень задумываются над этим. И уж мало кого «свербит» мысль, откуда такая алчность у того, который сам хлеба не сеет, но цену ему, видите ли, знает. И откуда вообще такое ожесточение в народе? Что породило равнодушие к чужой боли, беде? Публика, читающая прессу, в таких случаях начинает обычно бормотать что-то о нравах постмодерна, о машинизации человека, опять же о рыночной экономике.

Но академик Теренин, возведённый недавно в дворянское достоинство, не зомбированная серая масса. И он говорит: то, что рынок всё правильно урегулирует – это ставка для наивных. В США, самой демократической и рыночной стране, как считают некоторые наши олухи, только три года назад был принят билль (закон) о программе перехода сельского хозяйства к рынку, предусматривающий постепенное, в течении многих лет сокращение (подчеркнём, всего лишь сокращение) государственного вмешательства в фермерскую экономику. А пока в свободных Штатах вмешательство это, ох, как сильно. И всё в смысле государственной поддержки фермера. Ну, прямо в правительстве там, на Капитолийском холме, не иначе, как одни Столыпины сидят. И вообще, если Россия воссоздаст частную собственность на землю, то это будет очередной огромной её ошибкой, за которую в один прекрасный день придётся дорого заплатить. Между прочим, западные учёные-рыночники говорят то же самое. Толкуя о зем-

лях сельскохозяйственного назначения, они поднимают одновременно и комплекс вопросов природопользования, экологии. В этот комплекс входит часть богатства, которая принадлежит всему обществу, её нельзя приватизировать и продать. Учёные указывают на земельную ренту и ренту на природные ресурсы. Эти ценности не могут принадлежать никому в отдельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.